

Artykuły, rozprawy

Статьи, публикации

Виктор А. Шнирельман

Российская Академия Наук

Идентичность и политика постсоветской памяти¹

Identyczność a polityka pamięci postradzieckiej

Сегодня стало очевидно, что следует четко осознавать различия между реальностью и образом реальности и понимать при этом, что иной раз образ реальности способен формировать саму реальность. То, во что верят люди, становится реальностью по своим последствиям, – такого постулата социологи придерживаются уже давно. Иными словами, поведение людей во многом определяется тем, как они представляют себе реальность, и, в частности, с какой именно группой себя ассоциируют. Этим и определяется важность идентичности.

Поэтому, как бы ни относились ученые к нации, этничности и расе (а ученые все больше понимают их как конструкции, облик и роль которых определяется самими людьми), общественности эти категории представляются во многих контекстах важными, и к ним по мере надобности апеллируют политики, культурные деятели, а иной раз и религиозные лидеры. Ведь, как показывает опыт, все эти категории легко политизируются и служат действенными рычагами политической мобилизации. Однако это происходит только в том случае, если члены таких групп ощущают свое единство

---

¹ Статья представляет собой расширенную версию доклада «Идентичность, культура и история», прочитанного на Межрегиональном научно-практическом семинаре «История края как поле конструирования региональной идентичности», организованном Волгоградским гос. университетом 11 апреля 2008. В предварительном виде статья публиковалась как «Идентичность, культура и история: провинциальный ракурс» (Вестник Института Кеннана в России, 2008. Вып. 13. с. 64–78).

¹ Gellner E. *Nations and Nationalism*. Ithaca, N. Y., 1983.

и готовы на деле проявить солидарность. А это в свою очередь требует от них выраженного самосознания, т. е. четкого осознания своей принадлежности к одной из названных выше групп. Иными словами, такое самосознание должно опираться на миф о единстве – соответственно, национальном, классовом, этническом, региональном или расовом. Такой миф был типичен для эпохи модерна, когда для его конструирования использовались самые разнообразные научные технологии. И сегодня он продолжает соблазнять некоторых политтехнологов, стремящихся манипулировать массовым сознанием. Вместе с тем, у такого мифа имеются ограничения, и он срабатывает отнюдь не автоматически. В свое время Эрнест Геллнер хорошо показал как слабую обоснованность такого мифа, так и одновременно его социально-психологическую силу².

Похоже, что наиболее благодатная среда для такого мифа складывается в таком обществе, где велика пропасть между элитой и остальной массой населения, где у элиты имеется монополия на информацию, где действия власти не являются прозрачными, а массы лишены доступа к реальным рычагам влияния на политическую жизнь. Именно в таком обществе созданный элитой миф способен через находящиеся в ее руках институты (СМИ, школа, церковь, культурно-просветительские учреждения и пр.) оказывать существенное воздействие на массы населения. Следовательно, наиболее подвержены мифу общества авторитарного типа. Это вовсе не означает, что демократические общества обладают иммунитетом в отношении мифотворчества. Однако при наличии сложной социальной структуры, плюрализма и социальной мобильности такие общества, безусловно, избегают опасности оказаться под влиянием тотального мифа. В них, во-первых, наблюдается конкуренция самых разных мифов, а во-вторых, плюрализм развивает способность к критическому мышлению, способствующую преодолению зависимости от «жизни в мифе».

Поэтому сегодня нам недостаточно изучать особенности политического мифа. Важно анализировать, какой именно миф и какими средствами навязывается обществу властями и влиятельными элитами. Необходимо знать также, как этот миф усваивается обществом и отдельными его группами, как они его воспринимают, что их привлекает, а что отталкивает или оставляет равнодушными, и, наконец, если они его отвергают, то какой именно контр-миф кажется им более убедительным.

Одной из важнейших опор мифа о социальном единстве является образ прошлого, сплывающий людей общими эмоциональными воспоминаниями. Важно, что такой образ создается не только профессиональными историками. Огромную роль в его формировании играет социальная память, в рамках которой в первую очередь и выстраивается иерархия исторических цен-

---

² *Ibidem.*

ностей и происходит отбор исторических фактов и событий по их общественной значимости. Важная особенность социальной памяти состоит в том, что она не является гомогенной и у разных социальных и региональных групп имеет свои отличия. Это выражается и в том, какие именно факты прошлого кажутся им наиболее значимыми, и в том, как поразному они могут интерпретировать одни и те же факты, соответственно придавая им разное значение.

К сфере социальной памяти, помимо устной истории, относятся памятные даты и праздники, памятники и мемориалы, ритуалы, топонимика, музеи, народная культура и историческая символика. Кроме того, память о прошлом поддерживается журналистами, а также находит место в художественных произведениях, живописных полотнах, театре и кино. В сфере искусства также производится как отбор исторических фактов и событий, так и их переосмысление. И именно в контексте социальной памяти отдельные исторические факты или события становятся знаковыми и обретают статус ключевых, имеющих основополагающее значение для данного социума.

Разумеется, и здесь дело не обходится без политических акторов. Ведь учреждение общенациональных праздников, отбор национальных героев и великих людей и чествование их юбилеев, установление одних памятников и разрушение других, изменение топонимики, введение в государственную символику исторических сюжетов и реликвий, – все это происходит при активном участии властей. Мало того, нередко именно власти выделяют из государственного бюджета деньги на проведение тех или иных мероприятий, связанных с исторической памятью (празднование памятных дат, установление памятников, изменение топонимики, создание телевизионных сериалов и пр.). Иной раз именно они поддерживают одни направления исследований и игнорируют или даже тормозят развитие других. И это, разумеется, оказывает влияние на профессиональных историков. Поэтому историческое знание вовсе не отделено непроходимой стеной от политического процесса, тем более, что, как писал Мишель Фуко, нередко именно власть определяет, что является «знанием» и что им не является.

В советском случае именно власть при опоре на научных экспертов определяла, какие группы достойны считаться «этническими», а какие нет, какие из них могут получить тот или иной политический статус (автономии), а какие этого не заслуживают. В итоге произошла политизация этничности, и после ее закрепления паспортной системой она потеряла свою подвижность, получила несвойственную ей жесткость и оказалась законсервированной. Мало того, введенный в 1938 г. строгий порядок приписывания этнической принадлежности по родителям, независимо от языковых и культурных параметров, десятилетиями навязывал людям представление, во-первых, об этническом родстве как «родстве по крови», а во-вторых, о некоем устойчивом «народном духе», который якобы сохранялся у людей независимо

от языковых и культурных изменений и проявлялся в «поведенческих стереотипах». И это подготовило почву для распространения мифа об этносе как «биологической общности», который в постсоветское время получил неожиданную популярность и открыл дорогу расизму.

Следует учитывать и тот факт, что во второй половине 1930-х – 1940-х гг. произошли важные изменения в социальной структуре советского общества, потребовавшие нового взгляда на социальную реальность. Теперь с антагонистическими классами было покончено и классовое мировоззрение в значительной мере потеряло свою актуальность. Оно сохранило свою роль во внешней политике, тогда как внутривнутриполитическая ситуация стала все больше определяться национальным фактором. Но, как мы знаем, в советские годы он понимался двояко: с одной стороны, как единство всего советского народа, для которого со временем все чаще стал использоваться термин «советская нация», но с другой стороны, как сложное созвездие советских этнонаций, развитие которых определялось «советской национальной политикой»³. В любом случае произошла смена парадигм, и классовое видение реальности сменилось этнонациональным. Иными словами, там, где раньше речь шла о классовых антагонизмах, теперь появилась тенденция подчеркивать культурную специфику и говорить об «особом историческом пути». Правда, коммунистическая идеология пыталась удерживать эту тенденцию в определенных рамках, но с каждым годом это становилось все сложнее и сложнее. Ведь новые поколения уже не имели опыта классовой борьбы, и «класс» звучал для них пустой абстракцией. Зато вокруг себя они видели отдельные «этноты», различающиеся по своему социальнополитическому положению, что и составляло для них социальную реальность.

В этом созвездии этносов русские занимали особое место. Именно они были носителями общесоветской культуры, формировавшейся на русской основе, но, во-первых, быстро модернизированной и терявшей свои традиционные атрибуты, а во-вторых, свободно впитывавшей приходящие извне импульсы. Русские не ощущали себя «особым этносом», и их «этническая солидарность» была ослаблена. Все это вызывало тревогу и горькие чувства у русских националистов, рассматривавших это как якобы специфически русское качество и сурово его критиковавших. Однако ничего особенного в этом не было, ибо все это свойственно любому доминирующему большинству, которое, во-первых, обладает инклюзивной идентичностью, что и позволяет без большого труда включать в свой состав «чужаков» и «иноплеменников», а во-вторых, чувствует себя в безопасности, видя ее гарантом государство, которое оно не без основания считает своим. В такой ситуации находятся белые американцы в США, англичане в Великобри-

---

³ Этот подход унаследован и постсоветской Россией. См.: Соколовский С. В. Образы Других в российских науке, политике и праве. М.: Путь, 2001. с. 137.

тании, французы во Франции, ханьцы в Китае, поляки в Польше и т. д. Это порождает особое отношение к «этническому». Его доминирующее большинство связывает обычно с чужими экзотическими культурами и несклонно применять к себе. Ведь свое считается «нормальным» и универсализируется. Зато понятие «культура» увязывается с «этническими культурами». В результате в контекстах оживленных культурных контактов доминирующее большинство порой оказывается в неудобном положении, чувствуя себя людьми «без культуры». В частности, иной раз представители меньшинств с готовностью демонстрируют свой «культурный капитал» как некое качество, выгодно отличающее их от доминирующего большинства.

Разумеется, все это не оставляет равнодушными русских националистов, и они по-своему пытаются осмыслить русскую идентичность. Вот лишь некоторые из тех параметров, в которых они усматривают суть «русскости» (примеры взяты из национал-патриотической прессы 1990-х гг.). Русскость может, по их мнению, связываться, во-первых, с «кровью» и даже с «расой» (т. е. с биологией и «русским генотипом»), во-вторых, с культурой и самосознанием, в-третьих, с хорошим владением русским языком, в-четвертых, с религией (православием, старообрядчеством или даже язычеством), в-пятых, с особым образом жизни, в-шестых, с психологией (стремление к «правде и воле»), в-седьмых, с политическими установками (державность и соборность, а также тяготение к имперскому устройству), в-восьмых, с особым историческим путем, в-девятых, с особой «русской цивилизацией», вбирающей в себя все или многие из названных компонентов. Некоторые русские националисты противопоставляют эти атрибуты друг другу; другие ценят некоторые из них, но отвергают другие. Кроме того, одни отождествляют русских с отдельным этносом или даже «расой», другие видят в них религиозную общность, третьи, связывают их, прежде всего, с политическим единством, четвертые понимают их не иначе как особую цивилизацию.

Между тем, у всего этого имеется и региональный ракурс, дополняющий эту палитру новыми красками. Речь идет о том, как видится «русскость» или отдельные ее компоненты региональными интеллектуалами, включая политиков и носителей местной власти. В 1990-х гг. приход демократии в Россию и децентрализация власти и капитала породили достаточно неожиданное явление, показавшее, что русским оказывается недостаточным иметь общерусскую идентичность, а в ряде случаев они вообще готовы от нее отказаться. В разных регионах и областях они ведут поиск своих особых местных идентичностей, и это выражается в своеобразных версиях древней или средневековой истории, которые там вырабатываются. Как и следовало ожидать, многие из этих конструкций пропитаны этницизмом, заставляющим видеть историю в этнических тонах. Но в разных регионах это проявляется по-разному, и акцент делается то на этничность, то на язык, то на метафоры «родины» или «прародины», то на культуру, то на территориальное един-

ство, то на некую глобальную миссию. В этом плане можно говорить о следующих моделях:

1. *Этнизация известных локальных культурных вариантов или изобретение новых.* Речь идет о попытках ряда групп объявить себя особыми этносами. Например, казаки Юга России, имевшие когда-то особый сословный статус, в течение последних 15–20 лет неоднократно заявляли о себе как об отдельном этносе. Корни этого подхода можно обнаружить у некоторых дореволюционных казачьих историков и в эмигрантской казачьей историографии, где делались попытки оторвать историю формирования казачества от русской истории, что давало, как казалось таким авторам, право на учреждение суверенной казачьей республики. Другим примером служат поморы, отличавшиеся от остальной массы русского населения своим особым хозяйственным укладом (морское рыболовство) и образом жизни, а также приверженностью к старообрядчеству. Наконец, уже совсем недавно о себе как особой этнической группе возвестили «кацкари», живущие в долине р. Кадка на западе Ярославской области. Там в конце 1990-х гг. в селе Мартыново создали Музей кацкарей и с 1992 г. издают газету «Кацкая летопись», где история «кацкого народа» начинается с эпохи монгольского нашествия. В школах Ярославского края был даже введен предмет «Кацковедение». При этом, стремясь дистанцироваться от русских, казаки иной раз говорят о своих тюркских корнях, поморы указывают на финноугорский субстрат, а кацкари ведут себя от смещения летописной меры со славянами.

2. Имперские мифы: русификация древних иноязычных и инокультурных общностей и «обрусение» культурного ландшафта окраин. Такие мифы выступают в нескольких разных вариантах.

А) *Миф о «примордиальных предках», т. е. отождествление предков с носителями материнского праязыка.* В наиболее радикальной форме такое видение истории ведет к изобретению длительной докиевской истории «славян-русичей», которые якобы еще в первобытности широко расселялись от Западной Европы до Китая. Такая версия древнего прошлого вот уже 15–20 лет активно пропагандируется радикальными русскими националистами. Под «отдаленной историей» здесь понимается все древнейшее индоевропейское прошлое, которое объявляется «арийским» и приписывается «славяно-русам». С этой точки зрения, Евразия едва ли не изначально принадлежала «русам-ариям», и, тем самым, завоевание Сибири, Кавказа и Средней Азии рассматривается как их возвращение на свои древние земли. Мало того, фантазия таких патриотически настроенных авторов заставляет их изобретать никогда не существовавшие государства типа Рассении и Русколани. Эти авторы прекрасно понимают, что современному образованному читателю требуются фактические подтверждения. Тогда на помощь приходит «народная археология». И московский философ В. Н. Демин с легкостью «открывает» на Кольском полуострове «Гиперборейскую цивили-

зацию», а журналист А. Асов «обнаруживает» в предгорьях Эльбруса «древнюю столицу славян», «город Кияра». Свои «находки» они активно пропагандировали в популярных книгах и охотно делились ими с журналистами⁴.

В этой деятельности участвуют не только дилетанты. Фактически начало поискам, так называемой, «славяно-арийской цивилизации» положили исследования профессиональных археологов из Челябинска, обнаруживших новую категорию памятников среднего бронзового века в лесостепной зоне Южного Урала. Не ограничившись открытием городища Аркаим, они разрекламировали его как едва ли не древнейший город на Земле, центр «арийской цивилизации», якобы одарившей Евразию «высокой культурой»⁵. Как признавала местная журналистка, на Урале вокруг Аркаима не смолкает «мифологический бум», «Страна Городов ушла в молву» и, вопреки всем стараниям ученых, порожденный Аркаимом интерес к древностям устремлен вовсе не к работе археологов, а «к духовной насыщенности, к месту Урала на Земле»⁶.

На этот миф работает целая серия статей председателя Челябинского областного общества уральского краеведения А. П. Моисеева, еженедельно в течение нескольких месяцев публиковавшихся в газете «Челябинский рабочий» летом и осенью 1994 г. Их автор называл индоевропейцев и ариев «нашими далекими предками» и противопоставлял их древним тюркам и финно-уграм, которые к категории «наших предков» не относились⁷. В 1990-х годах такой «арийский миф» использовался, в частности, для отстаивания гражданских прав русского населения в Крыму, в Донбассе и в Северном Казахстане. Обнаруживая у местных русских «древние корни» на этих землях, он делал их «коренным населением»⁸.

---

⁴ Демин В. Н. Тайны русского народа. М.: Вече, 1997; он же. Загадки Урала и Сибири. От библейских времен до Екатерины Великой. М.: Вече, 2000; он же. Гиперборея. Исторические корни русского народа. М.: Гранд, 2001; Асов А. И. Мифы и легенды древних славян. М.: Наука и религия, 1998; он же. Атланты, арии, славяне. История и вера. М.: Алетей, 1999; он же. Славянские руны и «Боянов гимн». М.: Вече, 2000; он же. Священные прародинны славян. М.: Вече, 2002; он же. Русколань: Древняя Русь. М.: Вече, 2004; Писаренко Д. Загадки древних цивилизаций. Полярная Атлантида // Аргументы и факты, 2006, № 46–49, 51–52 и 2007, № 5, 7–8, 10, 12. Об этом см.: Шнирельман В. А. Ин-теллектуальные лабиринты. Очерки идеологий в современной России. М.: Academia, 2004. с. 207–214; Shnirelman V. A. *Russian response: archaeology, Russian nationalism and Arctic homeland* // Kohl Ph. L., Kozelsky M., and Ben-Yehuda N. (eds.). *Selective remembrance: archaeology in the construction, commemoration, and consecration of national pasts*. Chicago: Chicago University Press, 2007. p. 52–56.

⁵ Шнирельман В. А. Страсти по Аркаиму: арийская идея и национализм // М. Б. Олкотт, И. Семенов (ред.). Язык и этнический конфликт. М.: Центр Карнеги, 2001. С. 58–85.

⁶ Никулина М. «Про старинное житье и про тайную силу» // Урал, 2000, № 6. С. 178–179.

⁷ См., напр.: Моисеев А. П. Древности//Челябинский рабочий, 17 и 24 VI, 5 VIII 1994, и др.

⁸ См., напр., Карпов А. Иудины поцелуи сепаратистов // Русский вестник, 1996, № 6–8; Абакумов А. В. Евразийские арии и Русь // Русская мысль, 1995, № 1–6; он же. Славяне

Для большинства такого рода популярных построений характерна манипуляция с известными археологическими и лингвистическими фактами и гипотезами, в результате чего «славяне-русичи» полностью отождествляются с ранними индоевропейцами или достаточно рано обособившейся их частью. На этой основе оживляется идея о великих арийцах-завоевателях, к которой прибегали в свое время нацисты для оправдания своего нападения на СССР. Но в устах современных русских радикалов арийцы связываются уже не с германцами, а со славянами. В то же время завоевание относится к столь отдаленным временам, что оно представляется «расселением» и не мешает «славянам-русичам» выглядеть автохтонами едва ли не на всей территории России и даже отчасти за ее пределами⁹.

Такая версия далекого прошлого активно популяризируется массовой литературой и в последние 10-15 лет начинает проникать в региональные очерки по истории края. Сегодня ни один местный учебник по истории Урала не обходится без обращения к Аркаиму, который связывается и с «древнейшей проточивилизацией», и с «древними ариями», и даже называется «Уральской Троей»¹⁰. А в местной популярной книге для юношества Урал, кроме того, изображается и родиной зороастризма, где якобы складывались

в Казахстане: возвращение на Родину? // Экономическая газета, 1997, № 16; он же. Русские и татары в Крыму // Наследие предков, 2000, № 2. В Донбассе с той же целью в 1993 г. Публиковались материалы об индоевропейских древностях в степях Северного Причерноморья. См.: Посредников В., Кравец Д., Косиков В. Древность Донбасса // Донецкий край, 1993, № 13, 18, 22, 27, 34. О других аргументах см.: Wilson A. *The Donbas between Ukraine and Russia: the use of history in political disputes* // *Journal of contemporary history*, 1995, vol. 30, no. 2. p. 276–283.

⁹ Это, разумеется, приводит рассматриваемую версию к столкновению с пантюркистским взглядом на древнюю историю, где те же самые культуртрегеры и цивилизаторы оказываются древними тюрками. Мне уже приходилось писать о том, как Аркаим «присваивается» тюркскими авторами (см.: Шницрельман В. А. Страсти по Аркаиму...). Недавно книга такого рода вышла в Казахстане. Любопытно, что она была представлена «научным изданием», хотя ни одно научное учреждение Казахстана не осмелилось дать ей свой гриф. Не было у нее и научных рецензентов, но зато издание было профинансировано некоторыми казахскими бизнесменами. Кроме того, книгу сопровождали рекомендации ряда сотрудников Евразийского национального университета, свидетельствующие о том, что изложенные в ней взгляды пользуются популярностью у части казахской научной элиты. Правда, археологов среди таких энтузиастов, похоже, нет. См.: Нарымбаева А. К. Аркаим – очаг мировой цивилизации, созданный прототюрками. Алматы: б. и., 2007.

¹⁰ Личман Б. В. (ред.). История Урала с древнейших времен до конца XIX в. Екатеринбург: СВ-96, 1998. Кн. 1. с. 45–48, 52–54; Миненко Н. А. и др. (ред.). Очерки истории Урала. Екатеринбург: б. и., 1996. Вып. 2. с. 34–52. Лишь в одном учебном пособии, написанном профессиональным археологом и построенном на археологических материалах, данные о древней истории изложены предельно корректно без обращений к ариям и Зороастру. См.: Виноградов Н. Б. Страницы древней истории Южного Урала. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1997. с. 60–72.

тексты «Авесты» и «Ригведы»¹¹. В таких книгах арии иной раз выглядят победоносными завоевателями и культуртрегерами, совершавшими далекие миграции, громившими великие цивилизации и разносившими свои культурные достижения по всей Евразии «от Ближнего Востока до Сибири и Индии»¹².

Правда, в учебной литературе «арии» не связываются с «русичами», однако особенностями своего изложения темы она готовит школьников к позитивному восприятию рассматриваемого здесь мифа. Этот миф отстаивается достаточно влиятельным течением русских националистов, пытающихся тем самым доказать, что евразийские просторы изначально принадлежали русским. Иными словами, расширение границ Российского государства в XVI–XX вв. рисуется ими не как завоевание, а как возвращение на свои исконные древние земли. И это напоминает советскую манипуляцию с историографией, когда в 1940–1950-х гг. «колониальное завоевание» превратилось в «присоединение» и «добровольное вхождение».

Сегодня, благодаря «фольк-истори» и русским неоязычникам, «арийский миф» получает все большую популярность. Теперь даже некоторые продавщицы женской одежды убеждены в том, что славяне – это «чистопородные арийцы»¹³. Мало того, сегодня арийский миф служит стержнем идеологии скинхедов, пытающихся очищать Россию от «кинородцев»¹⁴.

Б) *Миф о «прародине»*, где «прародина» отождествляется со своим регионом, получающим, тем самым, престижный статус «материнской территории», способный подкрепить определенные политические претензии. Так, миф о предках-арийцах, расселявшихся из сердца Евразии и основывавших древнейшие цивилизации Старого Света, подхватывают некоторые местные политики и бизнесмены. В середине 1990-х годов в Екатеринбурге вышла книга, авторы которой изображали Южный Урал центром мира на том основании, что там якобы сложилась индоиранская (арийская) общность, которая и разнесла цивилизацию по всему Старому Свету¹⁵. Характерно, что среди авторов этой книги был депутат городской Думы, один из авторов проекта Уральской республики (1993 г.). Аналогичные идеи отмечались и в Челя-

---

¹¹ Шишов К. А. Урал в судьбе России. Челябинск: Изд-во Автограф, 1996. с. 12–14. Специалисты связывают происхождение гимнов Ригведы с регионом, охватывающим Афганистан, северный и центральный Пакистан и Северную Индию.

¹² Григорьев С. А. Дорогами арийских колесниц // Миненко Н. А. и др. (ред.). Очерки истории Урала. Екатеринбург: б. и., 1996. Вып. 2. с. 34–43. Выдержки из этой работы воспроизводятся и в более солидном учебнике по истории Урала. См.: Личман Б. В. (ред.). История Урала... Кн. 1. с. 52–54.

¹³ См., напр., Егерова Е. Русская жизнь // Большой город, 9–22 апреля 2008, № 6. с. 13.

¹⁴ Шнирельман В. А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. М.: Academia, 2007.

¹⁵ Баклов А. А., Дубичев В. Р. Цивилизации Средиземья. Екатеринбург: Уральский рабочий, 1995.

бинске, где тогда же вызревал замысел Южноуральской республики. Там, как уже отмечалось, особое место в формировании местного патриотизма сыграли открытые археологами уникальные памятники начала II тысячелетия до н. э. («страна городов»), которые связываются учеными с индоиранцами¹⁶. В Вологде пропагандируется идея о том, что прародина арийцев располагалась на Русском Севере¹⁷.

В) *Присвоение чужого культурного наследия.* Например, челябинские законодатели искусственно вычеркивают «инородцев» из далекого прошлого своей области. В учебном пособии, выпущенном под грифом Законодательного Собрания и Администрации Челябинской области и предназначенном для депутатов, государственных чиновников и преподавания в вузах, история Волго-Уралья начинается с упоминания «двух могущественных для того времени царств – Хазара и Булгара», образованных будто бы «славянскими племенами». О ранних тюрках и их истории в Приуралье челябинским читателям не сообщается. Они узнают о «мусульманах-башкирах» только в разделе, посвященном XVII веку, в связи с попытками насильственной христианизации башкир и их ответными восстаниями. О том, что башкиры являются коренным населением Южного Урала, авторы учебного пособия хранят молчание¹⁸.

Г) *Искусственное расширение границ исторической территории.* На Ставрополье спешат обнаружить следы пребывания славян на Северном Кавказе в эпоху раннего средневековья и в доказательство древности и укорененности там русской государственности расширяют границы Тмутараканского княжества XI в. от Тамани до р. Большого Егорлыка, что на северо-востоке Ставропольского края¹⁹. Тем самым, в состав этого княжества вклю-

---

¹⁶ Шнирельман В. А. Страсти по Аркаиму: арийская идея и национализм // М. Б. Олкотт, И. Семенов (ред.). Язык и этнический конфликт. М.: Гендальф, 2001. с. 58–85.

¹⁷ Жарникова С. В. Золотая нить. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2003. Жарникова – этнограф по профессии, но ее «арийские идеи» не нашли отклика в профессиональной среде. Зато ими, похоже, заинтересовался успешный вологодский бизнесмен. См.: Суров М. В. Вологодчина: неостребованная древность. Вологда: б. и., 2001. с. 146. О нем см.: Емельяненко В. Кого не любит первая гильдия // Московские новости, 30 января – 6 февраля 1994 (№ 5). с. 11.

¹⁸ Выдрин И. В., Кокотов А. Н., Саломаткин А. С. Челябинская область – субъект Российской Федерации. Челябинск, 1997. с. 7–10.

¹⁹ Найденко А. В. К вопросу о начале русской истории на Северном Кавказе // Афанасьев Г. Е. (ред.). Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. М.: ИА РАН, 1996. с. 117–119; он же. Центральное Предкавказье в эпоху средневековья // Черногоров А. Л. (ред.). Наш край Ставрополье. Ставрополь: Шат-гора, 1999. с. 48, 60–62. Все эти построения были опубликованы в престижном популярном издании о Ставрополье, вышедшем под патронажем губернатора Ставропольского края А. Л. Черногорова.

чается львиная доля Краснодарского края²⁰. И эта версия даже попадает в региональный школьный учебник, где, кроме того, основание княжества приписывается легендарному князю Бравлину, проникновение «славяно-русов» в Крым и Северное Причерноморье относится к IV–VII в., а якобы их потомки, «приазовские славяне» рисуются создателями никогда не существовавшего «древнеказачьего государства Казакии» XI–XII вв.²¹

Между тем, детально изучивший вопрос о границах Тмутараканского княжества известный советский археолог А.Л. Монгайт высказывался об этом много осторожнее и делал вывод о том, что «нет доказательств наличия славянского населения на Северном Кавказе в средние века»²². Вопрос о границах Тмутараканского княжества остается открытым, и многие современные историки ограничивают его территорию Таманским полуостровом и некоторыми близлежащими районами. Лишь на короткое время в XI в. оно подчинило себе некоторые адыгские племена западной четверти Краснодарского края²³.

Д) *Миф о происхождении государства* изображает регион священной землей, где надо искать истоки русской государственности. В связи с напряженной обстановкой вокруг Калининградской области в этом отношении заслуживает внимание гипотеза о заселении Юго-восточной Прибалтики в раннем средневековье западными славянами, к которым якобы и принадлежал Рюрик с его воинством. Она уже активно используется некоторыми русскими националистами²⁴ и поддерживается рядом известных российских историков, считающих вопрос об этнической принадлежности варягов очень

---

²⁰ Действительно, в Краснодарском крае делаются попытки вести свою историю от Тмутараканского княжества, если не вообще от Боспорского царства. См.: Ротов В. С., Придиус П. Е. Кубань: один год с Батькой Кондратом и его дружиной. Краснодар: Советская Кубань, 1998. с. 12.

²¹ Судащев Н. Д. (ред.). История Ставропольского края от древнейших времен до 1917 года. Ставрополь: СКИПКРО, 1996. с. 52–58. Все это вышло из-под пера местного археолога А. В. Найденко.

²² Монгайт А. Л. О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Шунков В. И. (ред.). Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М.: Изд-во Восточной литературы, 1963. с. 54–61.

²³ Кузнецов В. А., Медынцева А. А. Славяно-русская надпись XI в. из с. Преградного на Северном Кавказе // КСИА, 1975, вып. 144. с. 11–17; Гадло А. В. Тмутараканские этюды, часть 4 // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1990. Вып. 4. с. 7–10; Кваша В. П. (ред.) История Кубани. М.: Дрофа, 1997. с. 10, карта; Чхаидзе В. Н. Тмутаракань (80-е гг. X в. – 90-е гг. XI в.). Очерки историографии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа, Армавир, 2006. Вып. 6. с. 145–146.

²⁴ Терентьев А. Мы живем не на чужой земле // Русский вестник, 29 ноября 1991 (№ 28–29). С. 9; Демин В. М. От ариев к русичам: концептуальный очерк языческой истории до Рюрика, которая у нас никогда не преподавалась. Омск, 1998. с. 81.

важным²⁵. Так, идея о славянстве Рюрика дает основания Калининградской области представить себя родиной русской государственности.

Между тем, археологам удалось углубить дату возникновения Старой Ладogi, которая, как оказалось, была заселена еще до прихода варягов. В последние десятилетия ученые исследовали доваряжский слой, связанный с обитанием там различных славянских племен. С помощью дендрохронологии для древнейшего поселения Старой Ладogi была получена дата 753 г. И в 2003 г. город торжественно отметил свое 1250-летие и, вслед за его неутомимым исследователем А. Н. Кирпичниковым, был назван «первой столицей Руси». В связи с этим журналисты подчеркивали, что Старая Ладoga была подлинно интернациональным городом, и «народы сообща строили Русь»²⁶. Следовательно, миф о происхождении государственности вовсе не обязательно должен иметь этноцентристский характер.

---

²⁵ Кузьмин А. Г. Кто в Прибалтике «коренной»? М.: Писательское акционерное общество, 1993; он же. Два вида русов в Юго-восточной Прибалтике // Сборник Русского исторического общества, 2003, № 8 (156). с. 192–213; Сахаров А. Н. Рюрик и судьбы российской государственности // Российская газета, 27 сентября 2002. с. 8; он же. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Сборник Русского исторического общества, 2003, № 8 (156). с. 9–17; он же. «Варяги были славянами» // Сельская новь, 2004, № 7. с. 38–39; он же. «Норманнская теория – абсурдное дело!» // Известия, 17 июля 2004. с. 2; Фомин В. В. Открытый разговор о варяжской Руси // Отечественная история, 2004, № 1. с. 206–210; он же. Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005. Об этом см.: Шнирельман В. А. Мифы диаспоры // Диаспоры, 1999, № 2–3. с. 8–9. Утверждения о том, что будто бы калининградская земля принадлежала древним славянам, остаются необоснованными, и вплоть до начала 1990-х гг. местный учебник по краеведению связывал ее с пруссами. И археологи демонстрировали, что в раннем средневековье там обитали балтоязычные пруссы. См.: Гуревич Ф. Д. Из истории Юго-восточной Прибалтики в I тыс. н. э. // Материалы и исследования по археологии СССР, № 76. М.-Л.: АН СССР, 1960. с. 328–451; Кулаков В. И. Древности пруссов VI–XIII вв. М.: Наука, 1990; Бирковский В. Г., Исупов В. С., Фарутин И. А. История нашего края. Калининград: Калининградское кн. изд-во, 1990. с. 7. См. также: Муромцева Л. П. Восточная Пруссия и Россия // Преподавание истории в школе, 2002, № 10. с. 17. Рассматривая этот дискурс, следует, конечно, учитывать, что в современной ФРГ имеются реваншисты, мечтающие о возвращении Восточной Пруссии. См.: Шпаков Ю. «Калининградская» лекция неонациста Редера // Московские новости, 14–21 декабря 1997. с. 8. Претензии на нее предъявляли и некоторые литовские политики. См.: Афанасьева Г. Ландсбергис делит Калининградскую область // Московские новости, 20–27 августа 1995. с. 8.

²⁶ Чернов А. Загадки озерных людей. У России была другая история // Огонек, 1999, № 9. с. 29–31; он же. Открытие России состоялось // Новая газета, 15–21 марта 1999. с. 19; Костоюковский В. Старая Ладoga: у истока русской истории // Новые Известия, 4 сентября 1999. с. 6; он же. Вспомним о древней столице Руси // Новые Известия, 26 июня 2001. с. 5; Антипов М. «Вестник государства российского» // Невское время, 4 июля 2006. с. 6; Макаров А., Сусаров А. Как стареют российские города // Новые Известия, 13 января 2006. с. 7.

Между тем, новгородское пособие по истории отличается в этом отношении двойственностью. С одной стороны, там говорится о гетерогенности населения новгородской территории в раннем средневековье – там жили «не только славяне, но народы Балтии, Карелии, Скандинавии». Также показывается бесперспективность споров об этническом происхождении Рюрика и даже подчеркивается, что версию о его славянском происхождении поддерживают те, кому обидно, что древнерусское государство создали «чужаки». Но с другой стороны, на тех же самых страницах «наши предки» изображаются славянами, а их дохристианские верования оказываются славянским язычеством²⁷.

Ж) *Идея имперской миссии и культуртрегерства*. Важным способом интеграции окраин в единое поле российской государственности служат юбилеи городов, основывавшихся русскими на землях, присоединявшихся к Российской империи. Этим подчеркивается неравенство культур и цивилизаторская миссия пришельцев-колонизаторов. Например, власти ряда городов Северного Кавказа (Сочи, Туапсе, Нальчик и др.) провели в конце 1980-х гг. юбилейную кампанию в честь их основания в первой половине XIX в. как русских крепостей. Однако сегодня идея колониального владения непопулярна, и эта кампания вызвала негодование адыгов. Местные ученые достаточно убедительно доказывали, что русские крепости были основаны на месте предшествовавших адыгских поселений²⁸. Тем самым, демонстрировался колониальный характер такого рода чествований. Между тем, такое удревление местных городов и попытки оторвать их от русской градостроительной деятельности вызывают возмущение у ряда русских историков²⁹.

Новый скандал вспыхнул недавно, когда намечалось празднование 150-летия Майкопа как старой русской крепости. Против этого выступили представители Съезда Черкесского народа, ссылавшиеся на некие археологические данные, говорящие якобы о том, что древнейшее городище возникло на р. Белой еще в бронзовом веке. Независимо от исхода этого конфликта, кубанский аул Тахтамукай отпраздновал свое 2500-летие, наглядно показав

---

²⁷ Сеченикова Л. Ф., Коложвари И. А. Великий Новгород и я. Рабочая тетрадь. М.: Просвещение, 1998. с. 10–11, 15.

²⁸ Ачмиз К. Г. К вопросу о дате основания некоторых городов Северо-западного Кавказа // Мекулов Д. Х. (ред.). Черкесия в XIX веке (материалы I Кошехабльского форума «История – достояние народа»). Майкоп: Адыгейский НИИ ЭК., Яз., Лит. и Ист., 1991. с. 144–156; Думанов Х. М. Нальчику – 246 лет // Адыги. Культурно-исторический журнал, 1991, № 2. с. 150–153.

²⁹ Великая Н. Н., Пылков О. С. О попытках передатировок и изменения названий некоторых городов Северного Кавказа // Виноградов В. Б., Ктиторова С. Н. (ред.). Вопросы южнороссийской истории. Вып. 11. М. Армавир, 2006. с. 41–45.

стремление адыгов одержать победу в символической битве за исторический приоритет³⁰.

3. *Идея самобытного исторического культурного очага*, которая воплощается в попытках наделить свои регионы особым местом в истории России, в становлении ее государственности и культуры. Это встречается в центральных регионах и на севере России, где русские не ощущают никакой угрозы со стороны «чужаков». Там политиков интересуют иные проблемы. Во-первых, там, видимо, памятуя о сконструированном Сталиным «курско-орловском диалекте», курские интеллектуалы представляют свою землю «неотъемлемой, корневой и центральной областью русского этноса» и доказывают, что несут поэтому «особую ответственность за судьбу страны, государства, языка, культуры, традиций»³¹.

Во-вторых, регион может представляться рефугиумом, или центром сохранения традиционных культурных ценностей. Как известно, в Архангельской области счастливо сохранились весьма архаичные элементы русской культуры и образцы фольклора. На этом основании там в постсоветское время выковывалась идея о Русском Севере как прообразе и символе всей России, «Земле Обетованной», о его особом предназначении в духовном преображении современной России; путем к этому провозглашается областничество, понимаемое как административное устройство русских земель допетровской эпохи³².

В-третьих, идея рефугиума может сочетаться с метафорой «прародины». Например, в Архангельской и Мурманской областях стараниями вышеупомянутого философа В. Н. Демина³³ становится популярной идея о происхождении мировой цивилизации едва ли не с Кольского полуострова, где обитали якобы далекие предки русских – «гипербореи», или арии³⁴. Миф о «пред-

---

³⁰ Баканов К., Перов С. Прощупывают почву // Новые Известия, 15 сентября 2006. с. 3. Речь шла о реальной древней плитке, которая однако была неверно датирована, а нанесенная на ней надпись на неизвестном языке получила сомнительную трактовку в работах ленинградского филолога Г. Ф. Турчанинова. Об этом см.: Шнирельман В. А. Войны памяти. М.: Академкнига, 2003. с. 350–352.

³¹ Королев Б. Н. (ред.) История и современность Курского края. Региональное учебное пособие. Курск: ГУИПП «Курск», 1998. с. 5.

³² Терехихин Н. М. Сакральная география Русского Севера. Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры. Архангельск, 1993.

³³ Демин В. Н. Тайны...; он же. Загадки Русского Севера. М.: Вече, 1999; он же. Гиперборея. Исторические корни русского народа. М.: Вече, 2000.

³⁴ Кузнецова С. По следам Гипербореи // Полярная правда, 21 августа 1997. с. 1; Большакова Н. Зов Святоозера // Свет, 1998, № 2. с. 12–16. «Открытия» Демина были отмечены даже телевизионным каналом ОРТ 22 ноября 2002 г., и им была посвящена серия статей в еженедельнике «Аргументы и факты» в ноябре 2006 – марте 2007 гг.

кахарийцах» привлек внимание и некоторых пропагандистов «русской цивилизации», приписавших ей «гиперборейские арийские корни»³⁵.

4. *Идея политической специфики* связывает самобытность не столько с культурными особенностями, сколько с особым политическим устройством. Такая версия истории характерна для Великого Новгорода, который представляет себя древним центром демократической формы правления, что сближает его с городами Западной Европы и выделяет на общем фоне Древней Руси. В учебном пособии особое место уделяется новгородскому вече как носителю самоуправления и главному символу Новгорода. Наряду с этим немало говорится и о берестяных грамотах, рисующих древних новгородцев образованными людьми, что также выгодно отличало их от остального населения Руси. Наконец, обращает на себя внимание тот факт, что львиная доля пособия (80% всего объема), предназначенного для учащихся 5–9 классов, посвящена демократическому периоду в жизни Новгорода, т. е. до 1570 г., когда новгородская республика пала³⁶. Иными словами, новгородская республика показана не только единственным оплотом демократии в истории Руси, но и примером для будущей демократической России, хотя об этом в открытую и не говорится.

5. *Идея героики, делающая акцент на местных исторических деятелях, оказавших влияние на ход российской истории.* С этой точки зрения, весьма показательным выглядит пример Костромской области, где, по инициативе ее тогдашнего губернатора В. А. Шершунова в 2001 г. была принята программа исследования памятных мест, связанных с именем Ивана Сусанина. Программа была успешно реализована, и местным археологам удалось обнаружить «захоронение самого Ивана Сусанина». Это произошло в нужное время, когда в России обсуждалось введение нового праздника, «Дня народного единства», и властям требовались веские аргументы в пользу значимости избранного для него исторического события³⁷. И хотя, по мнению непредвзятых специалистов, «с точки зрения археологии, об обнаружении останков Ивана Сусанина в Исуповском могильнике говорить пока не приходится», власти Костромской области уже ставили вопрос и о канонизации останков, и об их торжественном захоронении в каком-либо престижном месте. Впрочем, при всей его значимости подвиг Ивана Сусанина рассматривался лишь как момент в славной истории области, и власти выдвигали

---

³⁵ Можайскова И. В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России. М.: Издво Студия «Вече», 2001. Часть 1. с. 464–485.

³⁶ Сеченикова Л. Ф., Коложвари И. А. Великий Новгород и я. Рабочая тетрадь. М.: Просвещение, 1998. При этом существенную роль в репрезентации жизни древнего Новгорода играют археологические находки.

³⁷ Малахов А. Сусанина опознали // Российская газета, 30 марта 2005 (www.rg.ru/2005/03/30/susanin.html). Любопытно, что в марте 2005 г. президент Путин приезжал в Костромю.

гали гораздо более величественную задачу для археологов: «удревнить костромскую историю как минимум на 13000–14000 лет», а заодно удревнить и историю города Костромы³⁸.

6. *Геополитический миф*. Иногда претензии на свою особость ищут основания не столько в культурной специфике, сколько в бесценном вкладе данного региона в развитие человеческой цивилизации. В частности, в последнее время на Урале расцветает миф, основанный на богатых местными символами сказах, созданных когда-то П. П. Бажовым. Миф представляет Урал как «землю отмеченную, занимающую особое место на планете». Из него следует, что не люди облагородили и одухотворили территорию обитания своей деятельностью и своими духовными представлениями, а сама местная земля в силу своих сверхъестественных качеств наделила людей особыми талантами. Исторический дискурс присутствует и здесь, но он уже не самостоятелен, а является заложником геологии. Якобы именно геология сделала Урал «прародиной древних народов», наделила их «избранностью» и придала им «особую миссию». В этом контексте Аркаим и «страна городов» рисуются внешним выражением действия тайных оккультных сил, держащихся в уральской земле³⁹.

Эта тема получает развитие и в Омской области, где, по учению индийского гуру Бабаджи, якобы располагалось главное святилище всего человечества, Храм Ханумана, воздвигнутое ариями, которые именно оттуда разнесли священные ведические знания по всему свету. По этому учению, лишь восстановление святилища способно спасти мир от вырождения и грядущей катастрофы. Этот миф также делает упор на оккультных свойствах местности и наделяет ее особой миссией, имеющей всемирно-историческое значение. Однако исполнить такую миссию способен не каждый. Священная история этнизируется, и легендарный Рама, битва которого с демонами переносится в Западную Сибирь, оказывается «светловолосым славянином». По этой логике и «арии» отождествляются со «славянами». Место, о котором говорится в мифе, было локализовано последователями неоиндуистского учения в долине р. Тара, необычайно богатой археологическими памятниками. С 1992 г. там обосновалась религиозная община, и ежегодно проводятся ведические обряды. Так местная деревня Окунево стала предметом паломничества любителей эзотерики и восточных культов не только из Омска, но даже из Москвы и из-за рубежа. Приверженцы упомянутого учения верят в то, что сейчас заканчивается страшная эпоха *калюга*, близится катастрофа, которая погубит Англию и США. Но Россия должна спастись, и ее расцвет начнется в Сибири, причем окуневский центр послужит чем-то вроде

³⁸ Беляев Л., Бужилова А., Петров А. Патриотический скелет в народном шкафу // Родина, 2007, № 8. с. 58–63.

³⁹ Никулина М. «Про старинное жительство и про тайную силу» // Урал, 2000, № 6. с. 165–179.

ковчега, в котором когда-то спасся легендарный Ной. Иными словами, именно Западной Сибири предназначено стать центром возрождающейся цивилизации, а Окуневу отводится место важнейшего «энергоцентра», куда из космоса поступает спасительная энергия⁴⁰. Остается добавить, что своей широкой популярностью все эти фантазии обязаны уроженцу долины р. Тары, журналисту М. Речкину, сумевшему заинтересовать ими влиятельных людей области. В результате в долине р. Тары был построен бальнеологический и туристический комплекс, а губернатор Омской области Леонид Полежаев подписал указ о признании Окунева и его окрестностей историкокультурной рекреационной зоной.

В свою очередь Пермь также претендует на звание «центра мира», и символическими способами пытается отвоевать для себя место как в центре глобального пространства, так и в начале исторического времени. Здесь это обосновывается не только геологическим богатством Урала, но и геологической хронологией, позволяющей вынести Пермь далеко за пределы человеческой истории и связать с «пермским периодом» (т. е. 250 млн лет назад). Конкурируя с Окуневым, Пермь также представляется местом концентрации энергий, исходящих как из недр Земли, так и из космоса. И это якобы также придает ей некую цивилизационную миссию и делает ее «спасительным ковчегом», призванным отвести от человечества приближающуюся катастрофу. Одновременно Пермь рисуется не только центром мира, но и границей между мирами: в одних версиях она выглядит «вратами в Европу», в других – «вратами в Сибирь». Эта граница имеет и иное символическое преломление – как духовная граница (между христианством и язычеством) и историческая граница (между Московской Русью и Российской империей). И это пограничное состояние задает тревожный тон образам Перми, культивирующимся пермскими интеллектуалами в течение последних тридцати лет⁴¹.

Идеи центра и границы популярны и в Екатеринбурге. Представляя себя серьезным конкурентом Москвы и оттеняя свою высокую экономическую и культурную значимость, Екатеринбург еще пятнадцать лет назад стал вни-

---

⁴⁰ Речкин М. Окуневский ковчег // Свет, 1996, № 5. с. 49–50; он же. Окуневский ковчег – 2 // Свет, 1996, № 9. с. 62–63; он же. Прогнозы с планеты Сатр // Свет, 1998, № 1. с. 50–51; он же. Сибирский Китежград // Наука и религия, 1998, № 9. с. 20–23, № 10. с. 12–15; Мач В. Точка радости // Итоги, 27 февраля 2006. с. 84–87. В апологетическом ключе сюжет об Окунево и связанной с ним мистике звучал в передаче «Территория призраков», показанной по каналу ДТВ 28 июня 2008 г.

⁴¹ Абашев В. В. Пермь как центр мира. Из очерков локальной мифологии // Новое литературное обозрение, 2000, № 46. с. 275–287; Кондаков Б. В. Пермская земля: реальность и мифы // Ахметова М. В. (сост.). Современная российская мифология. М.: РГГУ, 2005. с. 124–132. Не исключено, что эта тревожная атмосфера, созданная мифом, повлияла на мест-ных сектантов, объявивших в конце 2007 г. о близящемся Конце Света.

мательно присматриваться к евразийской идее. А в начале XXI в. он начал примерять к себе одежды «столицы Евразии» и культивировать местную версию евразийской идеи. Этим он стремится позиционировать себя мостом, связывающим континенты, и в то же время центром, где сохраняется самобытное культурное и историческое наследие⁴². В мае 2000 г. Екатеринбург стал центром Уральского федерального округа, однако статус «столицы Урала» не утолил его амбиции, ибо ему хотелось большего. В конце мая 2002 г. эти претензии были озвучены на Всероссийской научно-практической конференции «Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице». Там мэр города А. Чернецкий подчеркнул расположение города на границе Европы и Азии, назвав это большим символическим капиталом, и, исходя из этого, было принято решение о строительстве туристического комплекса «Европа-Азия»⁴³. Знаковое название «Евразия» пользуется в городе популярностью. В частности, его гордо носит местный баскетбольный клуб, и в области ежегодно проводится лыжный марафон «Европа-Азия».

7. *Символическое освоение территории* происходит не только путем присвоения чужого прошлого или претензий на привнесение туда «цивилизации», о чем говорилось выше. Для этого существуют и иные способы.

А) Оно может осуществляться путем возведения памятников, имеющих знаковый характер. Однако иной раз это встречает протест на местах. Например, летом 2005 г. раскол в Адыгее вызвали планы установки памятника православному святому Николаю Чудотворцу в Майкопе, столице республики. Противоречивость этого мероприятия заключалась в том, что оно затрагивало глубокий этнополитический конфликт, годами будораживший Адыгею. Ведь власть там находилась в руках адыгейцев, составлявших меньшую часть местного населения, тогда как большинство было представлено русскими. В начале 1990-х гг. была введена квотность политического представительства: 50% депутатских мест автоматически отдавались адыгейцам притом, что они составляли 22% населения республики⁴⁴. Мало того, если традиционно адыгейцы связывали себя с исламом, то русские себя – с православием. Наконец, в середине 2000-х гг. началась кампания по укрупнению регионов, и в Адыгее опасались передачи республики в юрисдикцию Краснодарского края, что привело бы к утрате автономии. В этих условиях возведение памятника православному святому имело огромное символичес-

---

⁴² Болотова А. Европа – Екатеринбург – Азия // Родина, 2003, № 8. с. 61–63; Давыденко А. Власть языка и язык власти (анализ регионального мифа) // Венедиктова Т. (ред.). Популярная литература: опыт культурного мифотворчества в Америке и в России. М.: Изд=во Московского университета, 2003. с. 83–84.

⁴³ Казанцева Т. Стефан обещал вернуться // Уральский рабочий, 24 мая 2002. с. 1; Мэр подвел итоги конференции // Уральский рабочий, 25 мая 2002. с. 1

⁴⁴ В начале 2000-х гг. эта норма избирательного законодательства была отменена.

кое значение и воспринималось активистами адыгских общественных организаций, «Черкесского конгресса» и «Адыгэ Хасэ», как покушение на сложившийся политический порядок и угроза сложившемуся в республике «межнациональному и межконфессиональному миру и согласию». Заодно они подняли вопрос о сношении памятников русским полководцам Суворову, Зассу и Лазареву, участвовавшим в насильственном присоединении адыгских земель к Российской империи. Однако после некоторых колебаний президент Республики Адыгея, очевидно, под давлением из центра поддержал строительство памятника, и тот был открыт 15 февраля 2006 г.⁴⁵

Активная роль социальной памяти проявляется не только в сооружении памятников, но и в их разрушении. В этом случае речь идет уже не просто об освоении территории, а о политическом освоении территории, наделении ее символами нового политического режима с его собственным видением истории. Например, на наших глазах происходило разрушение памятников наиболее одиозным коммунистическим деятелям и возведение – царям и церковнослужителям⁴⁶. В Москве было убрано немало памятников Ленину⁴⁷, зато рядом с восстановленным Храмом Христа Спасителя был установлен памятник Александру II. Накануне предвыборной кампании 2007 г. губернатор Краснодарского края А. Ткачев, покинувший к тому времени ряды союзников бывшего губернатора, коммуниста Н. Кондратенко, и перешедший в «Единую Россию», прекратил проведение майских и ноябрьских демонстраций в центре Краснодара, а на площади Труда в 2006 г. был возведен Храм Александра Невского, святого покровителя кубанских казаков. Тогда же оттуда был убран памятник Ленину, но зато вместо этого там поставили памятник Екатерине II⁴⁸. В Ростове-на-Дону приняли компромиссное решение: на месте памят-

---

⁴⁵ В Адыгее обсудили проблему государственности и памятника Николаю Чудотворцу // ИА REGNUM, 22 июля 2005 (<http://www.regnum.ru/news/487739.html>); Адыгейцы протестуют против русских памятников // Агентство Национальных Новостей, 11 августа 2005 (<http://annews.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=12808>); Президент Адыгеи поддерживает идею строительства памятника Николаю Чудотворцу // Caucasus Times, 11 января 2006 (<http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=7040>); Аслан Шаizzo. В Адыгее состоится открытие памятника Николаю Чудотворцу // Кавказский узел, 14 февраля 2006 (<http://kavkaz.memo.ru/newstext/news/id/938400.html>).

⁴⁶ Об этой проблеме см.: Абрамян Л. Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении) // Acta Slavica Iaponica, 2003, т. XX. с. 25–49.

⁴⁷ Тем не менее, и в середине 2000-х гг. в столице оставалось 68 таких памятников.

⁴⁸ Костенко Н. Война памятников // Независимая газета, 25 августа 2006. с. 3. Любопытно, что, если кубанские казаки приветствовали установление памятника Екатерине II, то черноморские казаки в Одессе тогда же выступили с протестом против аналогичной акции местных властей, напомнив, что императрица упразднила Запорожскую Сечь. Иными словами, если для кубанских казаков первостепенное значение имеет ценность имперской идеи, то для черноморских – украинского национализма.

ника Кирову появился памятник императрице Елизавете Петровне, однако и Кирову нашлось место, но уже в другом месте города.

Парадоксальное почитание памяти общественных деятелей, бывших при жизни заклятыми врагами, является зримой чертой постсоветской действительности. Например, после перенесения праха бывшего городского головы г. Владикавказ, Гаппо Баева, из Германии на кладбище Церкви Рождества во Владикавказе его могила оказалась напротив могилы бывшего первого секретаря Северо-Осетинского обкома ВКП(б) Кубади Кулова, в свое время всячески поносившего его как «фашиста» и «изменника Родины». Теперь бюсты этих когда-то непримиримых противников, позабыв прежние разногласия, тихо взирают друг на друга. Такое «примирение» оказывается возможным только в обстановке утвердившегося национализма, нуждающегося в своих исторических героях, выступавших в защиту «народа», что бы ни понималось под «народом» и «его интересами». В таком контексте разное видение историческими героями этих «интересов» и их выступления по разные стороны баррикад оказываются далеко не самым главным фактором. Наиболее ценным в их духовном наследии и деятельности признается преданность Родине и готовность отдать за нее свою жизнь. Иными словами, восприятие таких героев окрашено скорее эмоциями, чем рациональными оценками.

Смена памятников происходит и во многих постсоветских государствах. В Павлодаре (Северный Казахстан) был демонтирован памятник Ермаку, и это было негативно воспринято местными русскими. А в Туркменистане ликвидировали не только памятники Ленину и другим большевистским деятелям, но даже первым руководителям Советской Туркмении, репрессированным при Сталине. При этом из центра Ашхабада был убран Некрополь героям революции и гражданской войны. Зато по всей республике появилось множество памятников президенту Ниязову и его изображений. В новом Национальном музее советский период вовсе не представлен; нет его и в школьных учебниках по истории Туркменистана. Были отменены и советские праздники. Вместо них были введены местные, включая День поминовения, посвященный жертвам, понесенным туркменами при взятии Геоктепе русскими войсками 12 января 1881 г. Так одна, советская, амнезия замещается другой, постсоветской⁴⁹.

Еще одним интересным случаем служит разрушение ваххабитами в конце 1990-х гг. бюста Шамиля, который власти Дагестана намеревались установить на родине имама в селе Гимры. А в августе 2001 г. по решению местных азербайджанских властей был взорван памятник Шамилю в г. Закатала,

---

⁴⁹ Демидов С. М. Постсоветский Туркменистан. М.: Наталис, 2002. с. 53–55, 59, 121, 142, 183.

установленный там в 1992 г.⁵⁰ Зато в Махачкале в постсоветское время появился проспект Шамиля и обелиск, отдающий дань памяти знаменитого имама. Все это говорит о неоднозначном восприятии образа Шамиля сегодня на Восточном Кавказе⁵¹, а также об интенсивной борьбе между разными версиями социальной памяти.

Б) Важным методом символического освоения пространства служит топонимика. В ряде случаев пришлое население пытается укорениться, маркируя заселяемую территорию своими собственными названиями. И, напротив, окончание «колониального господства», требует смены топонимики как символа полного разрыва с прежней властью. Так, после присоединения Крыма к России в конце XVIII в. значительная часть местной тюркской топонимики была заменена новой, стирающей память о прежнем населении. То же самое произошло с топонимикой на территориях депортированных народов в 1943/44–1957 гг. После осетино-ингушского столкновения осени 1992 г. ингушская топонимика Пригородного района была заменена осетинской. В 1990-х гг. после обретения Казахстаном независимости русские названия в Северном Казахстане начали сменяться казахскими⁵². В Чечне делались попытки переименовать столицу республики: в 1998 г. было предложено назвать ее Джохаром, а два года спустя – Ахмад-Калой. Правда, ни то, ни другое реализовано не было⁵³. Зато во Владикавказе Тбилисская улица превратилась в проспект Коста Хетагурова, что имело большое символическое значение в свете современных грузинско-осетинских взаимоотношений. А в Махачкале проспект Ленина превратился в проспект Расула Гамзатова. Так советский поэт победил советского вождя, что подтверждает высказанную выше мысль о притязаниях и силе постсоветского национализма. О том же говорит и тот факт, что памятники дагестанским большевикам и местным советским деятелям до сих пор украшают ландшафт Махачкалы, тогда как общесоветским вождям здесь места почти не осталось. Правда, Ленин по-прежнему остается в почете, и памятник ему украшает одноименную центральную площадь города. Зато в постсоветское время столица Дагестана была украшена проспектом Петра I, начало которого сегодня отмечено бюстом первого российского императора. Тем самым, и в Махачкале память

---

⁵⁰ См., напр.: Войны памяти: уничтожение аварских памятников в Азербайджане // Миацум.ру, 22 ноября 2007 (http://miacum.ru/gazeta/2007/11/22/avarci_vs_azeriturki_protivostoianie).

⁵¹ Об этом см.: Shnirelman V. A. *A Revolt of Social Memory: the Chechens and Ingush against the Soviet Historians* // Ieda O., Uyama T. (eds.). *Reconstruction and Interaction of Slavic Eurasia and Its Neighboring Worlds*. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2006. p. 300–302.

⁵² Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. М.: Нагалис, 2007. с. 184–185.

⁵³ Великая Н. Н., Пылков О. С. О попытках переименований...

о советском вожде мирно уживается с памятью об основателе Российской империи.

В случае смены политических режимов и исторических эпох переименования имеют особый смысл. Иной раз новая власть сознательно порывает с прошлым и соответственно стирает с политической карты страны ненавистные ей названия. Так произошло в Иране после революции 1979 г. Зато в условиях реставрации, делающей упор на исторической преемственности, стираются уже новые и восстанавливаются прежние исторические названия. В этом отношении Россия как бы остановилась на перепутье. В постсоветское время ряд русских городов вернули себе прежние дореволюционные названия: Ленинград вновь стал Петербургом, Горький – Нижним Новгородом, Калинин – Тверью, Куйбышев – Самарой, Свердловск – Екатеринбургом. А в Москве ряду улиц были возвращены их дореволюционные названия. Однако этому примеру последовали далеко не все. Так, Волгоград не стал ни Сталинградом, ни Царицыном, Краснодар не стал Екатеринодаром, Киров – Вяткой, а Ульяновск – Симбирском. Очевидно, в разных регионах власти руководствовались разным видением истории: некоторых сдержал Кремль, не пожелавший возродить слишком уж одиозную память и вносить раскол в общество (случай со Сталинградом)⁵⁴, другие вовсе не стремились отказываться от именитых земляков (Киров, Ульяновск), третьи сохраняли приверженность левым настроениям (случай с Краснодаром).

И уж вовсе не шло речи о восстановлении исторических названий на недавно завоеванных землях, где они были связаны с недавними врагами. Поэтому Калининград и не стал Кенигсбергом. В этом случае задача обрусения края оказалась приоритетнее восстановления исторической преемственности. И это показывает нам, как избирательно работает социальная память, чем она дорожит и от чего с легкостью готова отказаться. Однако в случае с Калининградом дело обстоит сложнее, и здесь политические приоритеты расходятся с интересами развития туризма. И именно учитывая последний фактор, местные власти выступили в начале 2006 г. с предложением о восстановлении разрушенных замков и кирх, которые в советские годы стояли в развалинах⁵⁵.

Итак, версии исторического развития регионов и визуальные репрезентации этого развития нагружены глубоким политическим или этнополитическим смыслом. Они находятся на службе символической политики и связаны с символическим освоением исторического времени и пространства. Показательно, что в рассмотренных выше версиях истории нет и намек на гражданскую идентичность, зато постоянно подчеркивается идентичность

⁵⁴ Колесников А. Из Сталинграда в Волгоград // Известия. 11 сентября 2001. с. 2.

⁵⁵ Башин А. Королевский замок – культурная и архитектурная доминанта Калининграда // Достояние поколений, 2006, № 1. с. 86–90.

этническая, русская. При этом символическая экспансия русскости идет каквширь (смена топонимики, возведение памятников), так и вглубь (углубление истории русского народа в целом или, в частности, в данном регионе). Любопытно, что это происходит на фоне отлива русского населения с северных территорий, с Дальнего Востока и из республик Северного Кавказа. Поэтому речь должна идти не столько о реальной экспансии, сколько о стремлении сохранить за собой территорию символическими способами. Ярким свидетельством этому служит «арийский миф», и весьма показательно, что «народная археология» направляет свои усилия на изучение крайних пределов территории России – крайнего юга (Эльбрус, «раскопки» Асова) и крайнего севера (Кольский п-ов, «раскопки» Демина), где русское население продолжает таять и его присутствие становится эфемерным. Кроме того, объявляя Арктику «гиперборейской прародиной», т. е. прародиной «славяно-русов», «арийский миф» пытается наделить русских абсолютной самобытностью и противопоставить их остальному миру, подчеркивая «особый путь», которым якобы испокон веков следует «русская цивилизация». Но, изолируя предков от всех других народов мира, он, во-первых, страдает очевидным изоляционизмом, а во-вторых, имеет безусловный расистский привкус.

В то же время в национальных республиках политика памяти обслуживает этнонациональную идею. Там она направлена на упрочение этнической идентичности, связанной с титульными народами. Именно их героям отдается дань уважения: их памятники занимают господствующее положение в местном городском ландшафте и их имена увековечиваются местной топонимикой.

Иными словами, если в нерусской среде выковываются этноцентристские мифы о прошлом, то в русских регионах доминирует стремление не столько заявить о своей какой-то особой этничности, отличной от русской (хотя, как мы видели, и такие примеры встречаются), сколько, напротив, продемонстрировать свою некую сверхрусскость. Фактически регионы борются за статус «суперрусских», достойных быть русскими в большей степени, чем все остальные. Этому придается исторический ракурс, т. е. в регионах связывают свою землю с истоками тех или иных атрибутов русского народа: происхождением его языка, государственности, традиционной культуры или даже его самого. Мало того, иной раз русский народ рисуется едва ли не первонародом с присущей ему культуротворческой и цивилизаторской миссией. Свое крайнее выражение это находит в «геологическом подходе», выводящем как данный регион, так и Россию в целом за пределы человеческой истории и наделяющем их некой космической энергетикой, позволяющей претендовать на особое место в современном мире. Все это хорошо согласуется со становящейся вновь популярной имперской идеей и претензией на доминирующее положение русских в России как «государство-

образующего народа», а также со стремлением России вернуть себе статус сверхдержавы на мировой арене.

Особая ситуация наблюдается в окраинных регионах, где русские не столь уверены в своей безопасности, как обитатели центральных территорий. Поэтому там принимаются особые меры по интенсивному символическому освоению пространства, наполнению его символами русскости. Создателям местных версий истории это кажется тем более важным, что в постсоветское время наблюдается все большее расхождение между имперскими представлениями о «присоединении» и «добровольном вхождении», характерными для федеральных учебников, и постколониальным настроением многих историков в этнонациональных республиках, где прежней популярностью пользуется идея о «колониальном завоевании»⁵⁶. Все это приводит к конфликтам, которые иной раз выходят далеко за рамки интеллектуальных битв. В то же время нетрудно заметить, что сегодня региональные или локальные версии истории нередко создаются для одноразового использования – празднования юбилеев и получения для этого обильного финансирования. Кроме того, некоторые из таких версий предназначены своими создателями для развития туризма.

Данная статья не претендует на то, чтобы дать полное представление о разнообразных версиях истории, представленных в разных регионах России. Рассмотренные в ней модели конструирования исторической памяти являются, разумеется, далеко не единственными. Однако они дают представление о некоторых важных дискурсах, встречающихся сегодня в российском обществе и у его властных элит.

Artykuł dotyczy symbolizmu politycznego w poradzieckiej rzeczywistości. Konsekwencją demokracji w Rosji był upadek tzw. wielkiej narracji sowieckiej i zastąpienie jej przez wizje lokalne, prezentowane przez miejscowych intelektualistów. Przedsięwzięcia te miały na celu pozytywne przedstawienie tego, co etniczne i regionalne. W tego rodzaju działaniach uczestniczą nie tylko przedstawiciele nie-rosyjskich grup etnicznych, ale także etniczni Rosjanie. Publikacje te pokazują postrzeganie rosyjskości z perspektywy tego, co regionalne i partykularne. W procesie przywracania tradycji lokalnych autor wskazuje także na rolę konfliktów zbrojnych, akcje niszczenia sowieckich pomników i stawiania nowych oraz powrót do tradycyjnych nazw miejscowości itp. Wskazuje także na zderzenie i współistnienie w tym procesie wielkiej narracji sowieckiej z lokalnymi wizjami historycznymi i politycznymi.

---

⁵⁶ Шнирельман В. А. «Патриотическое воспитание»: этнические конфликты и школьные учебники // Расизм в языке образования / Под ред. В.Воронкова, О.Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетея, 2008. с. 88–111.

An article focuses on the symbolical politics highly characteristic for the post-Soviet world. An arrival of democracy to the post-Soviet Russia was accompanied by a collapse of the Soviet Great Narrative, which was replaced by alternative histories. The latter were represented by numerous regional and ethnic views of the past developed by local intellectuals (writers, journalists, historians, educationalists). Many of those views were constructed within the post-modern politics of memory and were aimed at the positive representation of the regional populations or particular territories. The author argues that this "invention of the past" involved not only various non-Russian ethnic groups but ethnic Russians as well. He demonstrates how the Russianness is viewed and represented in the historical myths developed by the provincial intellectuals. He also provides case studies that demonstrate intensive historical wars represented by erection and destruction of historical monuments and a replacement of place-names in the post-Soviet environment. He discusses a paradoxical co-existence of Soviet and post-Soviet memories as well.